

М.М. Раевская

**ЯЗЫК И ПРОСТРАНСТВО:
ТЕМА РУИНЫ В ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматривается образ руины с точки зрения его эволюции и особенностей восприятия в испанской поэзии, начиная с Золотого века до современных авторов. Исходными позициями исследования являются интерпретация (вслед за М.М. Бахтиным) руины как существующего в реальности хронотопа, т.е. материального выражения единения пространства и времени, а также осмысление руины как эстетической категории возвышенного, творящей новые формы и смыслы в соответствии с идеологической тенденцией эпохи (Ренессанс, Барокко, Просвещение, Романтизм, Постмодернизм). Исследование топоса руины в иберийском ментальном контексте позволило определить предпочтения в восприятии данного пространственного объекта. В статье показано, что испанские поэты эпохи Возрождения, впервые обратившие свой взор на данный предмет окружающей действительности, добавили свой ракурс в его восприятии, смещая фокус от руин Карфагена к Риму, а затем – в сторону Иберийского пространства. Первыми в испанской поэтической традиции эпохи Возрождения стали сонеты Гарсиласо де Ла Веги (Garcilaso de La Vega) и Гутьерре де Сетины (Gutierre de Cetina), посвященные руинам Карфагена, вслед за которыми представители Севильской школы XVI в. значительно расширили фокус географического и исторического восприятия. Сформированные классической традицией два способа осмысления руины будут существовать в более поздний период как в чистых формах, так и в рамках нерасторжимого единства и найдут свое место уже в испанской поэзии XX в. в творчестве Анибала Нуньеса (Aníbal Núñez, 1944–1987).

Ключевые слова: поэтика руин; испанские поэты Золотого века; испанская поэзия Барокко; испанский романтизм; испанская поэзия XX в.; Анибал Нуньес.

Тема руины всегда присутствовала в дискурсивном опыте чело- века и давно стала топосом в мировой художественной литературе:

Раевская Марина Михайловна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mraevskaya@gmail.com; infospanish@yandex.ru).

поэты и писатели обращались к ней во все времена, используя имеющееся в их распоряжении жанровое разнообразие. Изучение ее творческого выражения и осмысления во всех видах словесного и визуального искусства (Г. Зиммель, Д.С. Лихачев, С.А. Лишаев, Б.М. Соколов, А. Шёнле, L. Goldsein, С.А. Disandro, R. Macaulay, R. Mortier, J. Ortega-y-Gasset, S. Thomas, P. Zucker и др.) позволяет сделать только один вывод – руина как зрелище относится к эстетической категории возвышенного, ее созерцание творит новые формы и смыслы и отсылает человека к внутренней стихии: будучи природной деформацией, руины олицетворяют символические связи, объединяющие разрозненные времена и функционируют как мост между двумя несмежными историческими периодами.

Западноевропейская литература по теме включает корпус текстов, написанных британскими, немецкими, французскими, итальянскими, испанскими и другими авторами во все периоды (Античность, Средневековье, Ренессанс, Барокко, Просвещение, Романтизм) истории освоения и осмысления человеком пространства [Загряжская, 2012; Раевская, 2018].

Согласно исследованиям, ключевой темой европейского гуманизма, по которой написана обширная библиография (А.А. Biglieri, Н. Bonneville, R.J. Cuervo, F.M. Chambers, А.М. Gordon, E. Rugg, Т.М. Greene, J. Lara Garrido, R. Macaulay, A. Mazzoco, J.P. Pastor, Z.S. Schiffman, P. Zucker, R. Weiss, P.A. Ramsey, B. Wardropper, J. Vianeу и др.), стали руины древнего Рима – Петрарка (Petrarca, 1304–1374) первым пишет стихи о былой славе некогда могучего города. Великий гуманист Поджо Браччолини (Poggio, 1380–1459) продолжил эту тему вслед за Петраркой, однако, лишь после печально известного факта – разграбления Рима 6 мая 1527 г. многонациональными войсками императора Карла V (в состав которых входили и испанцы) – руины Вечного города становятся объектом постоянного поэтического интереса. Самым известным стихотворением, воспевающим то, что осталось от его священных стен, считается сонет Бальдассаре Кастильоне (Baltassare di Castiglione, 1478–1529) *“Superbi colli, e voi sacre ruine...”*, после опубликования которого тема становится одной из ведущих в Европе эпохи Возрождения [Шевлякова, 2019].

Интересно, что в испанской литературе таковой являются прежде всего развалины Карфагена, возможно, по одной из гипотез [Lopez Bueno: 64], в силу того, что у испанцев были еще живы воспоминания о сотворенном в том числе и их руками в Риме. Первым, кто посвятил им сонет (*“Boscan, las armas i el furor de Marte...”*), был поэт Гарсиласо (Garcilaso de la Vega, 1501(1503)–1536), сопровождав-

ший Карла V в походах и побывавший вместе с его армией в 1535 г. в Тунисе:

...Aqui dond'el Romano encendimiento,
dond'el fuego i la llama licensiosa
solo el nombre dexaron a Cartago;
Buelve i rebuelve Amor mi pensamiento,
hiere i enciende 'l alma temerosa,
i en llanto i en ceniza me deshago. [цит. по: Lopez Bueno: 64]

Вслед за Гарсиласо тему продолжает Гутьерре де Сетина (Gutierre de Cetina, 1520–1557), также проходивший военную службу у того же императора и явно адаптировавший под новый исторический контекст тот же самый посвященный Риму сонет Бальдассаре Кастильоне, в котором заменил имя Вечного города на Карфаген “*Al monte donde fue Cartago*”:

Excelso monte do el romano estrago
eterna mostrará vuestra memoria;
soberbios edificos do la Gloria
aún resplandece de la gran Cartago...
[цит. по: Lopez Bueno: 63]

Именно эти два сонета (Гарсиласо и Сетины) создали прецедент в испанской поэтической традиции. В целом в эпоху Ренессанса мысль о тщете и бренности земного бытия красной нитью проходит сквозь всю поэзию руин, которые символизировали величие прошлой славы и транслировали понятные всем чувства (гордость за великое прошлое) и мысли о превратностях судьбы. Образ руины был в целом соразмерен и подчинен человеку эпохи Возрождения, который осознавал победу времени над формами пространства.

Интересно, что Хуан Аргихо (Juan de Argijo, 1567–1623) привносит некое своеобразие в общепринятую интерпретацию (“*Este soberbio monte y levantada...*”): с одной стороны, мы видим уже известный стереотип – образ города, являющегося «могилой» своего же величия, и его развалин как «истинного примера», служащего наставлением для прошлых и будущих эпох о судьбе, которая ждет все человеческое. Тем не менее именно эти руины уже не существующего города у Аргихо являются символом бессмертия благодаря славе и памяти, оказавшихся сильнее Времени:

Mas en tanta ruina mayor gloria
no os pudo fallecer, ¡oh celebrados
de la antigua Cartago ilustres muros!,
que mucho más creció vuestra memoria
porque fuistes del tiempo derribados,
que si permaneciérades seguros. [Argujio, 1971: 147]

При этом следует отметить, что в течение практически всего XVI столетия испанские поэты намеренно избегали упоминания римских руин: авторы Севильской школы XVI в. (прежде всего Juan de Espinosa, Fernando de Herrera, Baltasar del Alcázar, Francisco de Rioja, Juan de Argüjio, Francisco de Medrano, Rodrigo Caro, Leonardo de Argensola) значительно расширили фокус географического и исторического восприятия. Так, объектами поэтического описания Аргихо и Риохи стали в том числе развалины Трои и мифической Атлантиды, Сетина упоминает о Риме лишь вскользь, достаивая основного внимания руины Сагунта, Трои, Нумансии, Карфагена «и даже Белграда» [Vranich, 1980: 768].

Древние иберийские руины стали предметом художественного восприятия чуть позже, и как это было в Италии, сначала именно археологи, а затем и поэты открывают великолепные образцы древнеримских городов, таких как, например, Италика (Itálica), находящаяся в нескольких милях от Севильи. Родриго Каро (Rodrigo Caro, 1573–1647), ученый-правовед, археолог и поэт, автор знаменитой «Песни на руинах Италики» (“*Canción a las ruinas de Itálica*”), является самым частым посетителем завораживающего печалью зрелища:

Estos, Fabio, ¡ay dolor!, que ves ahora
campos de soledad, mustio collado,
fueron un tiempo Itálica famosa... [Itálica, 1973: 13]

Тема руин Италики становится модной именно у поэтов Севильской школы конца XVI – начала XVII в. Здесь ищут вдохновение поэты, посвятившие одни из самых красивых сонетов этому городу, известному в то время под именем Севилья-ла-Вьеха: Фернандо Эррера («*Esta rota y cansada pesadumbre...*»), Франсиско де Медрано, который жил совсем рядом (“*A las ruinas de Itálica*”), Хуан де Эспиноса (“*Itálica infelice que del hado...*”), Хуан Аргихо (“*Esta, a la rubia Ceres consagrada...*”), Франсиско де Риоха (“*A Itálica*”), Леонардо де Архенсола (“*Muros, ya muros no, sino trasunto...*”) и др. Все они, возвращенные на литературных примерах классической латыни и итальянского Возрождения, создают свою собственную образность – тема руин начинает звучать по-новому и получает неповторимую вариативность. Так, например, у Аргихо звучит уже иной мотив – прославления безучастной к былой материальной роскоши торгового города матери-природы, возродившей посреди руин новую жизнь:

Esta, a la rubia Ceres consagrada
parte fecunda de la madre tierra
que el sustento común al orbe encierra

de tanta espiga en la preñez dorada
fue ciudad al comercio dedicada... [Arguijo, 1971: 151]

Хуан Эспиноса задается вопросом, почему время безжалостно разрушило храмы, но пощадило и оставило нетронутым омытый человеческой кровью амфитеатр? Поэт размышляет о том, что, видимо, «жестокость и ужас столь же значимы для управителя человеческих судеб» [Vranich, 1980: 766].

С этими поэтами тема становится испанской – воспетые руины принадлежат родине. На Золотой Век приходится ее апогей [Wardropper, 1991], именно классическая традиция в конечном итоге сформирует два способа осмысления руин, господствовавшие в периоды Ренессанса и Барокко, которые будут существовать в более поздней поэзии как в чистых формах, так и в рамках нерасторжимо единства: модель Ренессанса, сосредоточенная на восхищении и возвышении прошлого великолепия, и модель Барокко, ориентированная на разочарование, найдут свое место уже в испанской поэзии XX в. [Martos Pérez, 2008].

С тех пор поэтика руин как особый дискурс получает активное развитие именно в иберийском контексте, который являл собой путешествие во времени и был прямой дорогой в древность: Италия, Нумансия, Сагунто, Синхилия Барба, Сальмедина, Таррако и т.д. вызывали вдохновение не у одного поколения испанских поэтов. Однако уже тогда, на рубеже XVI–XVII вв., намечается новый поворот во взгляде, пространственный охват становится шире, предметом лирического размышления наблюдателя становится *современный ему* визуальный контекст: разрушающиеся стены средневековых замков, арабские руины и опустевшие деревни, постепенно погружающиеся в летаргию. К возвышенной грусти примешивается иное чувство – разочарования и даже презрения (см. у Медрано “*España triste gime / de la fortuna en la más alta cumbre...*”).

Это можно увидеть и у Луиса Гонгоры (Luis de Góngora, 1561–1627), написавшего в 1592 г. поэму «Замок Сан-Сервантес» (“*Castillo de San Cervantes*”) в сатирической тональности и тем самым ознаменовавшего поворот в господствовавшей ранее идеологии: вместо величия славного прошлого созерцающий родные руины наблюдатель вдруг почувствовал раздражение от несостоявшегося настоящего и облек свои мысли в форму бурлеска [Fasquel, 2010], продемонстрировав тем самым эмоциональный спектр их восприятия – от смиренного преклонения до презрительного сарказма, одновременно служащего предостережением (остается только догадываться кому), – так руины некогда неприступного замка превратились в символ персонифицированной внешней и внутренней деградации...

Подобное видение ознаменовало собой собственно испанское восприятие исторической действительности (анонимный сонет “*Al castillo de Guadaira casi arruinado*”, XVII в.), замешанное на чувстве сарказма, горечи и презрения, сохранившееся у некоторых авторов и по сей день:

Edificio decrepito y caduco,
que forzado del zéfiro barajas
essas murallas con que en vano atajas
valuartes que dieron al trabuco... [цит. по: Vranich, 1980: 766]

Уже Кеведо (Francisco de Quevedo, 1580–1645) явно избегает тщеславного возвеличивания прошлых заслуг и подчеркивает лишь преходящесть момента в стихотворении “*A Roma sepultada en sus ruinas*”:

Buscas en Roma a Roma, ¡oh peregrino!,
y en Roma misma a Roma no la hallas:
cadáver son las que ostentó murallas,
y tumba de sí propio el Aventino...
¡Oh, Roma!, en tu grandeza, en tu hermosura,
huyó lo que era firme, y solamente
lo fugitivo permanece y dura. [Quevedo, 1969: 418]

Принято считать, что Кеведо позаимствовал тему и образ из эпиграммы Януса Виталиса “*De Roma*” (1552) и сонета Йоахима дю Белле “*Antiquitez de Rome*” (1558), добавив родное испанское чувство горечи и усугубив мотив безысходности и тщеты человеческих усилий – в результате чего блестящий текст явил собой метафору бренности всего сотворенного человеком: *fugit irreparabile tempus, memento mori*... Тот же мотив звучит и у Капо, Аргихо, Медрано, использующих преимущественно «лексику смерти» (*vocabulario de muerte*): Рим, Афины и Карфаген представляют собой пепелище, останки и могилу былого величия (*tumba, cadáver, mortaja, sepulcro, calavera, esqueleto, luto, exequias, cementerio*...) [Biglieri, 2002: 102].

А по отношению к тому, что видит на своей родной земле, Кеведо пронзительно безжалостен:

Miré los muros de la patria mía,
sí un tiempo fuertes ya desmoronados
de la carrera de la edad cansados
por quien caduca ya su valentía... [Quevedo, 1969: 184]

Идеология, изначально сформировавшаяся в рамках общепринятой традиции, пережила в умонастроении испанских авторов своеобразный кризис, ознаменовавший новый поворот в перцепции родной исторической реальности вплоть до ярого сарказма, отсы-

лающего к событиям личной жизни. Упаднический дух и полное разочарование становятся доминирующими в мировосприятии поэта в сложный период его жизни, когда он создает поэму “*Funeral a los huesos de una fortaleza que gritan mudos desengaños*” (1621/1622/1628), являющуюся примером морализаторской сатиры, где руины символизируют будущее, которое ожидает сильных мира сего:

Aquí, en cátedra de muertos,
Atento le oí discursos
del bachiller Desengaño
contra sofisticos gustos...
Tú, que te das a entender
La eternidad que imaginas,
Aprende de estas ruinas,
Si no a vivir, a caer. [Цит по: Fasquel, 2010: 2]

Руина являет собой средоточие прошлого и настоящего, локализованных в одном и том же пространстве, что становится сильнейшим посылом для наблюдателя: *sic transit gloria mundi*, и именно этот визуально осязаемый человеком образ побуждает его к размышлению. По своей сути руина – это существующий в реальности хронотоп (согласно М.М. Бахтину), – в данном случае не литературное, а самое что ни на есть материальное выражение единения пространства и времени, транслирующее ключевую идею своего барочного понимания как разочарования, обмана, драматизма и изменчивости материального мира.

Считается, что вместе с Кеведо тема руин на какое-то время исчерпывает себя [Biglieri, 2002; Vranich, 1980], пока не возрождается вновь у представителей романтизма, отчасти опиравшихся на опыты его современника – Лопе де Веги (Lope de Vega, 1562–1635), для которого обращение к образу руин служит лишь предлогом для того, чтобы передать переживаемое им личное чувство. В его сочинениях, в отличие от других представителей испанского Барокко, тема потери и опустошения города представлена не столь явно. Да, с одной стороны, – это неотвратимость конца человеческой жизни:

¡Oh condición mortal! ¡Oh dura suerte!
¡Qué no puedo querer vivir mañana
sin la pretensión de la muerte!
Cualquier instante de la vida humana
es nueva ejecución, con que me advierte
cuán frágil es, cuán mísera, cuán vana.
[Цит. по: Pastor, 2002: 2]

С другой стороны, образ руины у Лопе де Веги – это метафора его собственной не просто безответной, а отверженной любви: ру-

ины подобно пеплу олицетворяют не только былые яркие эмоции, но и одиночество. Лопе исключительно биографичен в их восприятии, он перенес данный образ в сферу человеческого чувства – любви, и, пожалуй, первый в испанской поэзии столь ярко и талантливо рассказал об этом.

Великий драматург посвятил свои стихотворения древним Сагунту (“*Mirando está las cenizas*”, “*Vivas memorias, máquinas difuntas*”), но еще больше – Трое (“*Fue Troya desdichada y fue famosa*”, “*Árdese Troya y sube el humo oscuro*”, “*En aquestas columnas abrasadas*”, “*Cayó la Troya de mi alma en tierra*”, “*El ánimo solícito y turbado*”). И это не случайно [Pastor, 1995]. Поэт, пережив бурный роман с актрисой Еленой Осорио, находясь в изгнании в Валенсии, не случайно обращается к этой теме: Лопе в большей степени волнует сентиментальная, а не материальная трагедия. Большинство его стихотворений на эту тему написаны здесь, ибо руины Трои напоминают ему о вполне конкретных событиях и людях:

Entre aquestas columnas abrasadas,
frías cenizas de la ardiente llama
de la ciudad famosa, que se llama
ejemplo de soberbias acabadas... [Rimas, 1998: 52]

Подобное отношение к руинам было характерно для XVII в., но именно тогда в европейском искусстве начал зарождаться их новый образ. В XVIII столетии романтизм как время ностальгического возврата к прошлому привносит особую тональность в ставшее уже привычным восприятие. На фоне всеобщей увлеченности археологическими раскопками, когда открытие в 1748 г. руин в Помпеях стало «общеевропейски значимым событием, а коллизия природы и культуры общепросветительской проблемой» [Пасхарьян: 1], руина начинает осмысляться как в большей степени творение природы, своим обликом демонстрирующее победу стихийных сил над творческой деятельностью человека [Martos Pérez, 2008]. По словам Георга Зиммеля, великая борьба между волей духа и необходимостью природы заканчивается победой последней, ибо разрушение предстает перед человеком как месть природы за насилие, которое дух совершил над ней, формируя ее по своему образу [Зиммель, 1996].

29 апреля 1751 г. на последнем совместном заседании Королевской Академии испанского языка (Academia del Buen Gusto) вниманию всех собравшихся была представлена поэма “*Las ruinas. Pensamientos tristes*”, чьим автором являлся действительный член той же академии, дипломат Альфонсо Вердуго и Кастилья, граф Торрепальма (Alfonso Verdugo y Castilla, conde de Torrepalma, 1706–1767),

хорошо знакомый с европейской романтической традицией. Центральная метафора его сочинения – руина, порождающая себе подобную как неизбежный фатум и как символ безнадежности поиска Абсолюта, что полностью соотносится с романтическим настроением эпохи [Sebold, 1991].

Испанская литература руин периода позднего романтизма (во всяком случае, когда речь идет о ее первых именах) представлена главным образом в поэтической прозе. Два выдающихся представителя испанского романтизма – Густаво Адольф Беккер (Gustavo Adolfo Bécquer, 1836–1870) и Росалия де Кастро (Rosalía de Castro, 1837–1885) – писали на эту тему, поместив своих героев в том числе в пространство среди готических руин.

Умонастроение XIX в. как нельзя лучше отражает появившаяся в 1858 г. в журнале *Museo Universal* небольшая статья тогда еще очень молодого Эмилио Кастелара (в будущем политического и государственного деятеля, историка, писателя, члена Королевской Академии испанского языка, фактического президента Первой Испанской республики), в которой он размышляет об искупительной силе искусства и, в частности, о руинах как источнике вдохновения: “¿Por todas partes ruinas! ... ¿Con estas reliquias del arte, no se inspirarán innumerables artistas? Consérvense estas fuentes de santa inspiración, estos tabernáculos del espíritu de nuestros padres, piedras miliarias que atestiguan el camino que lleva la humanidad en la tierra”¹ [Paisajes, 2019].

В первой половине XX в. тема руин звучит в духе классической традиции – философских рассуждений о судьбе человека – в творчестве Луиса Сернуды (Luis Cernuda, 1902–1963), Хорхе Гильена (Jorge Guillén, 1893–1984) и Висенте Алейксандре (Vicente Aleixandre, 1898–1984), принадлежащих к объединению испанских деятелей искусства «Поколение 27 года» (*Generación del 27*), а также наших современников Пабло Гарсиа Баены (Pablo García Baena, 1923–2018), Виктора Ботаса (Victor Botas, 1945–1994), Франсиско Бринеса (Francisco Brines, род. 1932), Гильермо Карнеро (Guillermo Carnero, род. 1947), Антоньо Колинаса (Antonio Colinas, род. 1946), Сесара Антоньо Молины (Cesar Antonio Molina, род. 1952), Диего Хесуса Хименеса (Diego J. Jiménez, 1942–2009).

Однако самое яркое продолжение тема руины в своей поэтической форме имеет в творчестве Анибала Нуньеса (Aníbal Núñez, 1944–1987), малоизвестного современному читателю. Согласно многочисленным исследованиям (R. Badía Fumaz, M. Casado, P. Casado,

¹ «Повсюду руины! ... Разве эти художественные реликвии не воодушевляют многих? Сохраняйте эти источники святого вдохновения, эти скинии духа наших родителей, камни, отмеряющие земной путь человечества...» (перевод мой. – М.Р.) [Paisajes, 2008].

J.S. Ferri Coll, J. Francisco Freire, F. R. de la Flor, I. González Gil, J. Herrero Álvarez, G. Labrador Méndez, M.D. Martos Pérez, R. Pardellas Velay, C. Piera, A.L. Prieto de Paula, M. L. Puppo, J.M. Rozas López), поэт возрождает традицию испанского Барокко, следуя в русле идейных исканий Кеведо, помимо английских романтиков, также оказавших большое влияние на его идеологию, – с одной стороны, руина как символ разрушительной силы Времени является средоточием прошлого и настоящего, а с другой, – олицетворением прожитых чувств и идей, уже лишенных жизненной силы [Badía Fumaz, 2013]. К двум осям временного пространства, пересекающимся в руине как де-форме, Нуньес добавляет третью – будущее, представляя ее как бесконечно меняющийся процесс:

Seis arcos ciegos: resto ahora patente,
ayer y luego oculto;
libre por el momento de lo que sea vivienda
y es edificación, vierte más hielo
sobre quien, aterido de esperanza,
contempla tras la valla y diseña un futuro
que irá desvaneciéndose [Nuñez, 1995: 311]

Творчество поэта (сборники *Alzado de la ruina* (1981), *Cuarzo* (1988), *Clave de los tres reinos* (1986), *Primavera soluble* (1992)) можно рассматривать как макротекст, имеющий свой неповторимый имажинарный синтаксис, в котором субординирующую роль выполняет образ руины, являющийся неким аллегорическим кодом, метафорическим ядром, выстраивающим образы в определенном порядке. Руина в творческом замысле Нуньеса выступает как «ужасная метафора болезненного упадка» [Freire, 2002: 296], как священное пространство, способное вызвать определенные состояния сознания и соединиться с космосом.

Руины не вписываются в современный городской пейзаж, вот почему они представляют собой забытое всеми необитаемое, но семиотически организованное, несмотря на свою фрагментарность, пространство:

Suma de lo incompleto a lo truncado,
no es sitio para estar: impide toda
adoración la ausencia de un centro ...
[Nunez, 1995: 325]

И, наконец, самая неожиданная интерпретация образа руин у Нуньеса – для него материальной формы воспоминаний, воссоздающих в определенном локусе сцены прошлой жизни, – так и слова являются осколками прошлого, «руинами опыта, следами пережитого» [Puppo, 2006: 206]...

Таким образом, руина как де-форма пространства по-прежнему волнует воображение поэтического субъекта и является вечной темой для размышлений, что только подтверждает мысль А. Шенле о том, что «руины – это великолепное зрелище, созданное режиссером-историей...» [Шёнле, 2009: 1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Загряжина Т.Ю.* Антропология пространства (на франкоязычном материале) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 4. С. 9–28.
2. *Зиммель Г.* Руина. Эстетический опыт (1907) // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. М., 1996. С. 227–233.
3. *Пахсарьян Н.Т.* Тема руин во французской литературе XVIII века. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/pahsaryan-tema-ruin.htm> (дата обращения: 25.11.2019).
4. *Раевская М.М.* Иберийский травелог: к вопросу о типологии жанра // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 97–109.
5. *Шевлякова Д.А.* Идея Рима в формировании национальной идентичности итальянцев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 79–87.
6. *Шёнле А.* Апология руины в философии истории: провиденциализм и его распад // Новое литературное обозрение. 2009. № 1. С. 24–38. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/01/24-38-shenle-a-apologiya-ruiny-v-filosofii-istorii-pr...> (дата обращения: 24.11.2019).
7. *Argüeso J.* Obra poética. Madrid, 1971.
8. *Badía Fumaz R.* Anibal Núñez: una relectura del tópico barroco de la ruina en el siglo veinte // Acta Literaria. Chile: Universidad de Concepción. 2013. № 47. P. 135–150. URL: <https://scielo.conicyt.cl/scielo> (accessed: 25.12.2019).
9. *Biglieri Anibal A.* Ruinas romanas y poesía española // Auster. 2002. № 6–7. P. 85–111. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo> (accessed: 26.12.2019).
10. *Fasquel S.* La poesía burlesca de las ruinas // Actas XVI Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. Nuevos caminos del hispanismo. 2010. Vol. 2. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo> (accessed: 26.12.2019).
11. *Freirre F.* Prólogo a *Cuarzo* // Anibal Núñez. Obra poética. Madrid, 1995. T. 1. P. 294–296.
12. *Góngora, Luis de.* Antología poética. Barcelona, 2009.
13. *Itálica:* antología lírica para unas ruinas. Sevilla, 1973.
14. *Lopez Bueno B.* Tópica literaria y realización textual: unas notas sobre la poesía de las ruinas en los siglos de oro // Revista de Filología Española. № LXVI. P. 59–74. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo> (accessed: 27.12.2019).
15. *Martos Pérez M.D.* Las ruinas en la poesía española contemporánea. Estudio y antología. Málaga, 2008.
16. *Núñez A.* Obra poética. Madrid, 1995.
17. Paisajes de ruinas en la pintura del Romanticismo español: un breve recorrido // Mito (Revista cultural), Noviembre 2019. URL: revistamito.com/paisajes-de-ruinas-en-la-pintura (accessed: 20.12.2019).

18. *Pastor P.J.* La poesía de ruinas en el primer Lope // *Espéculo*. Revista de estudios literarios. Universidad Complutense de Madrid. 2002. № 20. URL: <http://www.ucm.es/info/especulo/numero20/ruinas.html> (accessed: 20.12.2019).
19. *Puppo M.L.* De ruinas y cristales: una poética del tiempo en los textos de Anibal Núñez // *Revista de Literatura*, 2006. Vol. 68. № 135. P. 199–219. URL: [revistadeliteratura.revistas.csic.es › article › view](http://revistadeliteratura.revistas.csic.es/article/view) (accessed: 27.12.2019).
20. *Quevedo Francisco de*. Obra poética, Vol. I. Madrid, 1969.
21. *Rimas humanas y otros versos*. Barcelona, Crítica, 1998.
22. *Sebold R.P.* Ruinas y romanticism. *ABC*, 1991. URL: [www.cervantesvirtual.com › obra-visor › html](http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/html) (accessed: 23.12.2019).
23. *Vranich S.* La evolución de la poesía de las ruinas en la literatura española de los siglos XVI y XVII // *Actas del VI Congreso de la AIH*. Toronto: University of Toronto, 1980. P. 765–768. URL: [www.cervantesvirtual.com › obra › la-evolucion-...](http://www.cervantesvirtual.com/obra/la-evolucion-...) (accessed: 21.12.2019).
24. *Wardropper B.W.* The Poetry of Ruins in the Golden Age // *Revista Hispánica Moderna*. 1969. № 35. P. 295–305.

Marina M. Raevskaya

**LANGUAGE AND SPACE:
THE RUINS MOTIF IN SPANISH POETRY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article deals with the evolution of ruins motif and ruin perception in Spanish poetry, from the Golden Age to contemporary poets. The starting point of the research is the perception of the ruins, after M.M. Bakhtin, as a chronotop, the intrinsic connectedness of temporal and spatial relationships. The ruins became an aesthetic category, whose reflection in the form and the content of a poetic work agreed with the ideology of a particular period – Renaissance, Barocco, Enlightenment, Romanticism, or Postmodernism. Studying the ruins topos in the context of Iberian mentality allows us to see the local tendencies in the perception of the ruins. The Renaissance poets were the first to draw attention to the ancient remnants, from Carthage later refocusing towards the Roman ruins and the Iberian space. Thus, in Renaissance Spanish poetry Garcilaso de La Vega and Gutierre de Cetina were the first to devote the sonnets to the Carthaginian ruins, while the 16th century Seville poets took a broader view, both geographically and historically. The two functions of the ruins established in the early poetic tradition emerged in the later works both individually and in their inseparable unity, to be interpreted in the 20th century poetry by Anibal Núñez (1944–1987).

Key words: ruin poetry; Golden Age Spanish poets; Barocco Spanish poetry; Spanish romanticism; 20th century Spanish poetry; Anibal Núñez.

About the author: *Marina Raevskaya* – Dr. habil in Philology, Professor, Head of the Department of Spanish Language, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mraevskaya@gmail.com; info-spanish@yandex.ru).

REFERENCES

1. Zagryazkina T.Yu. 2012. Antropologiya prostranstva (na frankoyazy`chnom materiale) [Anthropology of space (in French)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–28. (In Russ.)
2. Zimmel` G. 1996. *Ruina. E`steticheskij opy`t* (1907) [Ruin. Aesthetic experience] In Zimmel` G. *Izbrannoe*. [Selected Works] T. 2. Moscow. Yurist, pp. 227–233. (In Russ.)
3. Paksar`yan N.T. *Tema ruin vo francuzskoj literature XVIII veka* [The theme of ruins in 18th century French literature]. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/pahsaryan-tema-ruin.htm> (accessed: 25.11.2019). (In Russ.)
4. Raevskaya M.M. 2018. Iberijskij travelog: k voprosu o tipologii zhanra [Iberian Travelogue: Revisiting the Genre Typology]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 97–109. (In Russ.)
5. Shevljakova D.A. 2019. Ideya Rima v formirovanii nacional`noj identichnosti ital`yancev [The Idea of Rome in the Formation of the National Identity of the Italians]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 97–109. (In Russ.)
6. Shyonle A. 2009. Apologiya ruiny` v filosofii istorii: providencializm i ego raspad [Apology of Ruins in the Philosophy of History: Providentialism and its Decay]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], no. 1, pp. 24–38. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/pahsaryan-tema-ruin.htm> (accessed: 24.11.2019). (In Russ.)
7. Arguijo J. 1971. *Obra poética*. Madrid, Castalia.
8. Badía Fumaz R. 2013. Aníbal Núñez: una relectura del tópico barroco de la ruina en el siglo veinte”. *Acta Literaria*, no. 47. Chile, Universidad de Concepción, pp. 135–150. URL: <https://scielo.conicyt.cl/scielo> (accessed: 25.12.2019).
9. Biglieri Aníbal A. 2002. Ruinas romanas y poesía española. *Auster*, no. 6–7, pp. 85–111. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo> (accessed: 26.12.2019).
10. Fasquel S. 2010. La poesía burlesca de las ruinas. *Actas XVI Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. Nuevos caminos del hispanismo*. Vol. 2. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo> (accessed: 26.12.2019).
11. Freire F. 1995. *Prólogo a Cuarzo*. In Aníbal Núñez. *Obra poética*. Madrid, Hiperión. T. 1, pp. 294–296.
12. Góngora, Luis de. 2009. *Antología poética*. Barcelona, Crítica.
13. *Itálica: antología lírica para unas ruinas*. 1973. Sevilla, Aldebarán.
14. Lopez Bueno B. Tópica literaria y realización textual: unas notas sobre la poesía de las ruinas en los siglos de oro. *Revista de Filología Española*, no. LXVI, pp. 59–74. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo> (accessed: 27.12.2019).
15. Martos Pérez M.D. 2008. *Las ruinas en la poesía española contemporánea. Estudio y antología*. Málaga, Universidad de Málaga.
16. Nuñez A. 1995. *Obra poética*. Madrid, Hiperión.
17. Paisajes de ruinas en la pintura del Romanticismo español: un breve recorrido. *Mito (Revista cultural)*, Noviembre 2019. URL: revistamito.com/paisajes-de-ruinas-en-la-pintura (accessed: 20.12.2019).
18. Pastor P.J. 2002. La poesía de ruinas en el primer Lope // *Espéculo. Revista de estudios literarios*. Universidad Complutense de Madrid, no. 20. URL: <http://www.ucm.es/info/espiculo/numero20/ruinas.html> (accessed: 20.12.2019).
19. Puppo M.L. 2006. De ruinas y cristales: una poética del tiempo en los textos de Aníbal Núñez // *Revista de Literatura*, vol. 68, no. 135, pp. 199–219. URL: adeliteratura.revistas.csic.es/article/view (accessed: 27.12.2019).

20. Quevedo, Francisco de. 1969. *Obra poética*, Vol. I. Madrid, Castalia.
21. *Rimas humanas y otros versos*. 1998. Barcelona, Crítica.
22. Sebold R.P. 1991. Ruinas y romanticism. *ABC*. URL: (accessed: 23.12.2019).
23. Vranich S. 1980. La evolución de la poesía de las ruinas en la literatura española de los siglos XVI y XVII. *Actas del VI Congreso de la AIH*. Toronto, University of Toronto, pp. 765–768. URL: www.cervantesvirtual.com › obra › la-evolucion-... (accessed: 21.12.2019).
24. Wardropper B.W. 1969. The Poetry of Ruins in the Golden Age. *Revista Hispánica Moderna*, no. 35, pp. 295–305.